

Витя, не уходи

Алекс Астаров

18+

Алекс Астаров

Витя, не уходи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67925121

SelfPub; 2022

Аннотация

Конец девяностых. Старшеклассник Слава живёт в небольшом рабочем посёлке. Он считает всех алкоголиков слабаками и мечтает о том, чтобы его отец перестал пить. Однако, становясь старше, Слава сам начинает всё чаще выпивать, используя спиртное для решения своих юношеских проблем. Сумеет ли он вовремя остановиться?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алекс Астаров

Витя, не уходи

Пролог

Мне шесть. Закрывшись в туалете, сижу на опущенной крышке унитаза. Здрóрово, что у нас такой маленький туалет! Это помогает мне защищать себя. Поднимаю ноги и упираюсь ими в дверные косяки. Обеими руками хватаюсь за ручку двери. Теперь он не сможет её открыть! Молюсь. Хочу, чтобы этот день побыстрее закончился. Пожалуйста, пусть всё будет хорошо, пусть всё будет хорошо...

По квартире ходит мой пьяный отец. Зовёт меня. Ищет меня. Хочет поговорить. А я не хочу. Когда он напивается, в него вселяется что-то чужое, что-то страшное. Это уже не мой папа, это кто-то другой. Кто-то, кого боюсь и ненавижу.

Скоро он найдёт меня и будет дёргать за ручку двери, будет требовать открыть её. А я ещё сильнее потяну ручку на себя, ещё сильнее упрусь ногами в дверные косяки. Опять расплачусь как девчонка, но ни за что ему не открою.

Он не бьёт меня. Но когда приходит домой пьяный, всё сразу становится плохо. Они с мамой ругаются. Кричат друг на друга. Мама начинает плакать. Мне её так жалко... Это всё из-за него! Я тоже плачу. Отец любит заниматься моим

воспитанием, когда напьётся. Я от него ухожу, но он ходит за мной и всё спрашивает, спрашивает... Почему я так себя веду? Почему прячусь? Почему у меня текут слёзы? Глаза у него красные, дикие, страшные...

Клянусь, что не стану таким как он! Не буду пьяницей. Никогда, никогда! Ой, кажется, он нашёл меня...

Глава 1

1998, июнь

Прошёл уже месяц, а мне до сих пор стыдно. Родители не напоминают. Делают вид, что ничего не было. Но они знают, что было! И в школе знают. И я знаю, что все знают. Интересно, что они теперь обо мне думают? А и наплевать! Жаль только, что поговорить об этом не с кем. Поэтому решил всё записать. Ну ладно, к делу! Мы с Лёхой... Ах да, недавно я закончил девятый класс, сейчас начало лета, а тогда был май.

Мы с Лёхой, моим другом и одноклассником, решили после седьмого урока купить бутылку водки и пойти куда-нибудь посидеть.

Выпивать начали ещё в восьмом классе. Не часто, и в основном пиво. Потом попробовали водку. Мне она сразу не понравилась – как можно пить эту гадость?! Но когда видишь, как твои одноклассники понемногу к ней прикладываются на вечеринках, возникает мысль, что ты чего-то не понимаешь и просто не умеешь ещё правильно пить. Значит, нужно учиться. И я учился, подавляя отвращение. Всё-таки, пиво и шампанское вкуснее.

Короче, из школы мы сначала зашли домой (живём в одном подъезде на разных этажах). «Да мама, уроки закончились. Нет, есть не хочу. Пойду, погуляю».

Миссия «купить 0,5, когда тебе 15» прошла успешно. В

магазине работала знакомая продавщица.

– Ну, чё, куда двинем? – спросил Лёха.

– Давай на фабрику. На закуску взял что-нибудь?

– Да взял, взял, пошли.

Возле нашего посёлка стоит заброшенная четырёхэтажная фабрика. Пустая, частично разрушенная, с зияющими окнами, в общем, страшилище. Она создаёт неприятное впечатление. Наверное, поэтому туда мало кто ходит. В одном из корпусов много лет назад произошёл пожар. Его следы уродливыми мазками завершают и без того мрачную картину.

Расположились на крыше – единственном относительно чистом месте в царящем вокруг грязном запустении.

Лучший друг, водка в пластиковых стаканчиках, печенье Чоко Пай на закуску, запах весны и целая жизнь впереди! Что может быть лучше? Сидим, курим, общаемся.

Бутылка водки на двоих – плёвое дело! В кино видел, как взрослые мужики выпивали пол-литра и тут же бодро бежали за добавкой. Поэтому не боялся опьянеть и когда Лёха сказал, что ему хватит, я смело опрокинул в себя оставшуюся треть бутылки.

Не привыкший к крепкому алкоголю организм, неожиданно быстро сдался. Меня сильно развезло. Как уходили с фабрики, и что происходило дальше, почти не помню. Узнал только по рассказам.

А происходило вот что. Рядом с фабрикой есть заброшен-

ная стройка – пятиэтажный дом, в котором нет ничего, кроме голых стен и мусора. Как и зачем мы туда пришли, не знаю. Знаю лишь, что там меня окончательно накрыло, и я вырубился. Лёха пытался меня растормошить и привести в чувство, но у него не получилось. Растерявшись, он пошёл к Олегу – нашему однокласснику, тот живёт в трёх минутах ходьбы. Олег ничего дельного не посоветовал. Лёхе осталось одно – пойти к моим родителям и рассказать, где и в каком состоянии сейчас их сын. Значит, обо всём узнают и его родители, тогда скандала не миновать, а Лёхе этого очень не хотелось. Но что ещё было делать? И он пошёл.

Правда, как рассказала мне Светка (моя старшая сестра), не слишком торопился. Она выходила развесить постиранное бельё и встретила его на лестнице. Он ничего ей не сказал и спокойно поднялся на свой этаж. Затем вышел прогулять собаку и ещё раз молча прошёл мимо неё. Потом мне объяснил – с собакой пошёл гулять, чтобы его родители не заподозрили что он выпивший.

Только после прогулки Лёха наконец-то зашёл к моим и всё рассказал. Отец с сестрой быстро накинули куртки, и он повёл их на стройку. Почему-то я валялся ни лестнице между вторым и третьим этажом, в метре от дыры – на лестнице не хватало двух ступеней. Хорошо, что не свалился туда.

От стройки до нашего дома всего полкилометра. Но в тот день это был очень нелёгкий для меня путь. Я ничего не понимал и не мог стоять на ногах. Отец с сестрой вели меня

под руки. Ноги заплетались, часто падал. Запомнилась тупая боль от падений. Казалось, что меня нарочно роняют. Весь грязный, ничего не соображающий, ведомый под руки у всех на виду – хорошо провёл вечер, нечего сказать. Как, наверное, стыдно было за меня отцу и Светке...

Следующий обрывок воспоминаний. Я в своей комнате, возле кровати. Встревоженный голос мамы: «Может, ему скорую вызвать?» В итоге решили не вызывать.

Утром жуткое похмелье и очень серьёзный разговор с родителями: «Ну что, сынок...» Конечно, оправдывался и врал. Сказал, что мы пили вино (типо всё культурно), и что маленько не рассчитал свои силы.

Потом долго думал о том, как повёл себя Лёха в той ситуации. Пытался представить, как бы сам поступил на его месте. Старался оправдать его действия, но не получалось. Сразу представлял картинку – я валяюсь в бесчувственном состоянии на заброшенной стройке, а он, зная это, спокойно идёт гулять с собачкой, чтобы не спалиться перед своими родителями. Понятно, что я сам виноват, но всё же...

На Лёху обиды не держу. Просто перестал считать его своим другом.

Хорошо, что уже лето. В школу ходить не нужно. Надеюсь, скоро все забудут эту историю.

Глава 2

1998, октябрь

Почему отец так пьёт? Не знаю. Правда, не знаю. Когда он трезвый у нас всё прекрасно, чего ему не хватает? У них с мамой очень хорошие отношения, она ведь всегда его прощает. Ко мне и Светке он тоже хорошо относится. Часто ужинаем все вместе, он шутит – смеёмся, мы почти счастливы. Ну, то есть, всё выглядит, будто у нас нормальная семья, хотя каждый понимает, что это не так.

Отец работает экскаваторщиком. Заезжает на вахту на два-три месяца, потом отдыхает месяц, затем опять на заезд. Каждый раз, приезжая с вахты он пьёт. Иногда несколько дней, а иногда по две недели. Никто не знает, когда конкретно это начнётся. Бывает с первого дня, бывает с десятого или даже с двадцатого. Когда он куда-то уходит, нас всех волнует только один вопрос – каким он сегодня вернётся? Чем дольше его нет, тем хуже у всех настроение и тем молчаливее становится мама. Она часто подходит к окну и смотрит во двор. Если уже стемнело, выключает в комнате свет и вглядывается в пустынную улицу. Затем продолжает оставленные домашние дела, но уже через двадцать минут снова идёт к окну и всё смотрит, смотрит...

Живём на первом этаже. Вот хлопнула дверь подъезда. Он? С внутренним напряжением прислушиваемся. Вроде

тишина, не он. Если приходит трезвый, это для нас настоящий праздник. Значит, вечер пройдёт по-человечески.

Однажды, когда я был маленьким, к нам громко и бесцеремонно кто-то постучал. Мама открыла. На пороге стояли незнакомые мужчины. Они молча занесли пьяного до бесчувствия отца и положили его в коридоре, маме под ноги. Затем также молча развернулись и ушли. А мы, ничего не понимая, стояли и смотрели то на него, то друг на друга.

Вот снова хлопнула дверь подъезда. Из трёх комнат моя ближе всех к входной двери, поэтому хорошо всё слышу. Через несколько секунд заворочался ключ в замке. Этот шорох о многом может мне рассказать. Если звук короткий, чёткий, решительный – значит, отец трезвый и сегодня точно всё будет нормально. Небольшая, еле заметная пауза между вставлением ключа до упора и его поворотом, говорит о том, что отец немного выпивший. Здесь возможны два варианта. Первый: он ничего не принёс и скоро ляжет спать. Второй: он принёс коньяк или водку и будет весь вечер пить на кухне, курить сигареты одну за другой и выяснять отношения со всеми, кто попадётся ему на глаза. Ну а если, как сейчас, слышно негромкое царапанье и постукивание, значит, отец настолько пьян, что не может попасть ключом в замочную скважину.

Как же я ненавижу это царапанье! Оно неумолимо шепчет о том, что про нормальную жизнь, минимум на неделю, можно забыть. Опять скандалы, опять ругань, крики, битьё

посуды, мамины слёзы... Уже знаю, что увижу, но всё равно иду в коридор посмотреть. Привычная картина – еле стоит на ногах. Штаны и рукав в грязи, наверное, падал. Снимает с плеча свою старую, тряпичную сумку – подарок бабушки. Из сумки доносится перестукивание бутылок – затарился основательно. Сильный запах перегара. Красное лицо. Взгляд скользит по мне, не останавливаясь – ему сейчас не до меня.

Слабак! Ну почему он не может себя контролировать? Неужели так трудно пить в меру, чтобы не превращаться в такое жалкое существо?

Глава 3

1999, сентябрь

Влюбился. В этот раз, кажется, серьёзно. Она младше меня на два года, учится в восьмом классе. Очень красивая. Стройная, волосы светлые, глаза... глаза цвета незабудки.

Мы не знакомы. Но подойти боюсь. Да и как подойти? Что сказать? «Привет, ты мне нравишься», так что-ли? Глупо получится... Что она подумает? А вдруг расхохочется мне в лицо? Нет-нет, это всё не то. Тут нужно поумнее поступить. В общем, решил за ней потихоньку следить. Чтобы разузнать как можно больше – где бывает, с кем общается, по какой улице чаще всего возвращается домой... Ну, а там видно будет, где и как нам лучше познакомиться.

Следить уже начал. Вот что смог выяснить. Её зовут Таня. Танечка... Живёт в частном доме. Всего в десяти минутах ходьбы от нашей пятиэтажки вверх по улице. Но самое главное – она регулярно проходит по тротуару мимо моего окна! В школу, из школы, в магазин, из магазина, погулять с подругами. Вот так удача! Могу каждый день на неё смотреть! Конечно, стараюсь, чтобы она не заметила. Если день, смотрю через тюль, что висит на окне, с улицы меня не видно. Если вечер, не включаю в комнате свет. Но почему же я её раньше не замечал? Может она недавно сюда переехала? Обязательно спрошу, когда начнём дружить.

Узнал, в каком именно классе она учится – 8-й «Б». Перед уроками изучаю не только своё, но и её расписание. На переменах хожу по тем коридорам, где мы можем встретиться. Иногда получается, только она не обращает на меня никакого внимания. Как удивительно, уже столько о ней знаю, но в её мире меня до сих пор нет. Я для неё пока ещё не существую.

Запомнил, какие у её ботинок следы. Теперь, шагая по улице, ищу их на снегу. Когда нахожу, сердце начинает радостно трепетать. Иногда иду рядом со следами, потом оглядываюсь назад и воображаю, что мы с Таней шли вместе.

Неподалёку от её дома находится пустырь. Каждый вечер прихожу туда погулять с Таганом – это мой пёс, лайка. Как хорошо, что он у меня есть! Могу наблюдать за её домом или за ней, не привлекая к себе внимания.

Да, я же начал писать стихи! Вот уж не думал, что докачусь до такой ерунды. Получается плохо, но всё равно стараюсь. Вот самое короткое:

Твой свет

*«Пусть не будет солнца и умрёт луна.
Пусть погаснут звёзды в небе навсегда.
Только б видеть свет твоих ясных глаз,
И я жить хочу миллионы раз!»*

А вот ещё одно, неоконченное и пока без названия:
*«Четвёртый вечер у окна стою по два, по три часа.
Смотрю на улицу – ищу тебя глазами,*

Затем хожу по тёмной комнате кругами.

Идя домой, пройдёшь ты здесь. Я точно знаю!

Ты милый образ пронесёшь, а в душу бурю принесёшь.

Опять смотрю, но нет тебя. Опять хожу по кругу я.

Обычно возвращаешься с подругой, бывает рядом с вами

друг,

Но жду я, чтоб была одна ты.

Тогда, решившись, наконец, сомненьям положу конец!..»

Дальше пока не придумал. Нужно ещё поразмышлять над последней строчкой, а то эти идущие друг за дружкой «на-конец» и «конец» меня просто с ума сводят.

Глава 4

1999, декабрь

Ночью выпал снег и на улице стало очень красиво. Но это ненадолго. Наш дом стоит на окраине посёлка рядом с котельной. У котельной две трубы, из которых идёт дым. Когда-то давно на трубах стояли очистительные фильтры, но их убрали, чтобы увеличить тягу. С тех пор снег в посёлке почти всегда серый из-за угольной золы.

Сегодня у меня день рождения. Шестнадцать лет. Ненавижу дни рождения. И Новый год. И вообще все праздники. Если отец дома он напивается и портит любой праздник.

Конечно, никого не приглашал. Сказал, что не буду отмечать. Когда отец выезжает с вахты, ни я, ни мама, ни Светка никого не зовём в гости. Такое у нас негласное правило. Оно как-то само возникло, мы не договаривались. Кстати, Светка ещё летом уехала в город и поступила учиться в университет.

Вчера мы с мамой весь вечер готовили «Наполеон». Чтобы торт получился вкусным, он должен хорошо пропитаться кремом. Поэтому делаем много коржей – целых тридцать два! Мама заводит тесто, а я готовлю крем. Точнее два крема, сливочный и заварной, потом они смешиваются. Затем начинается самый ответственный этап. Один за другим мама раскатывает по противням охлаждённые кусочки теста в очень тонкие коржи. Я прокалываю их во многих местах вил-

кой, чтобы не вспучились при выпекании, и сажу в духовку. Здесь главное, действовать быстро и не отвлекаться. Чуть зазеваешься – корж сгорит. Немного надавишь на него когда снимаешь с противня – сломается. Он хрупкий, как льдинка на поверхности лужи. Когда всё выпекли, промазываем коржи кремом и украшаем торт. Бока лучше покрыть шоколадной стружкой – это классно выглядит. Закончив, ставим торт пропитываться в холодильник на ночь. Потом несколько дней блаженствуем во время чаепития.

Мне нравится стряпать. Может пойти после окончания школы на кондитера? Не знаю, ещё не решил. Мама советует поступать в юридический, но мне что-то не хочется всю жизнь копошиться в скучных бумажках. На врача? Тоже нет. Как представлю кровь и отвратительный запах лекарств, сразу мутить начинает. Отец говорит, нужно получить рабочую специальность, «она всегда прокормит».

Когда мне было лет пять или шесть, мы куда-то летели. В аэропорту я увидел человека, который вёз перед собой тележку размером со стол. Она гудела и оставляла за собой совершенно чистый пол. Мне тогда очень захотелось вырасти и тоже возить перед собой такую гудящую тележку.

Но уже спустя несколько месяцев у меня появилась новая мечта. Каждый день в восемь вечера к нам во двор приезжала мусоровозка. Из неё выходил водитель, нажимал на рычаги, расположенные сбоку грузовика и большая металлическая клешня опускала на землю приделанный к ней бак. Лю-

ди со всего двора вытряхивали в него мусор из вёдер. Собрав приношения, клешня поднималась, высыпала содержимое бака в свой прожорливый кузов и замирала. Водитель садился в кабину и уезжал в следующий двор. Помню, как смотрел на это с восхищением, и думал, что когда вырасту, непременно буду водить такую интересную машину.

Мусоровозка по-прежнему приезжает к нам во двор в восемь вечера, но мне уже не хочется стать её водителем.

Вернулся отец. Сильно поддатый. Подарил мне игрушечный пистолет, стреляющий пластмассовыми пулями. Что мне с ним делать? Я ведь уже не ребёнок. Разве что, застрелиться...

Глава 5

1999, декабрь

Вот-вот познакомлюсь с Таней! Решил подойти к ней на улице. Вечером. Просчитал все возможные варианты, этот наиболее подходящий. В школе она постоянно с подругами, общих знакомых у нас нет, мы нигде не пересекаемся, на дискотеке в клубе её не видел.

Уже несколько недель по вечерам дежурю возле окна. Заметил, что она почти каждый день гуляет со своей компанией. Возвращается в промежутке с девяти до одиннадцати, когда уже темно. Обычно идёт со своей подругой, та живёт в следующей от нас пятиэтажке вниз по улице. Они останавливаются на тротуаре, немного не доходя до нашего дома, и разговаривают. Дом у нас длинный и чтобы их видеть мне приходится буквально прилипнуть к оконному стеклу. Затем они прощаются, и Таня идёт уже одна. Лучше момента не найти!

Сделаю вот как. К девяти часам занесу в свою комнату куртку, штаны, шапку и ботинки. Это сэкономит мне время, смогу быстро одеться. Только нужно заранее штаны погладить и ботинки помыть. С девяти, как обычно, буду смотреть в окно. Как только её увижу, начну одеваться. На это уйдёт минута, не более. Вчера проверял по секундомеру. Потом опять посмотрю в окно и как только увижу, что она по-

прощалась с подружкой, пойду на улицу. Пока закрою дверь, пока выйду из подъезда и обойду дом, она как раз поравняется с концом дома. Тут-то мы «случайно» и встретимся! А дальше? Дальше улыбнусь... не забыть бы, а то ещё испугается... скажу «Привет!» и предложу её проводить.

А что, если... откажется? Не откажется. Я же не урод какой-нибудь... Да и что тут такого – пройти немного вместе по улице? А пока идём, познакомимся. Вот здесь-то вся сложность и сидит! Никогда не знакомился с девчонками на улице! Ох, чувствую, подведу себя... Не смогу совладать с волнением. Начну запинаться, покраснею, руки задрожат... как в прошлом году, когда подошёл в школе к Юле из 10-го «А». Правда она была старше на год, и рядом стояли её подружки, которые тут же начали хихикать, но факт остаётся фактом – оробел! Во рту пересохло, язык еле ворочался, короче, выставил себя полным придурком. Юля отвечала вежливо и даже улыбнулась, но дальше у нас дело не пошло. А если с Таней получится также? Только не это! Что же делать?..

Есть один способ... Не хотел к нему прибегать, но видно придётся. Немного выпью... для уверенности. Ну, допустим. Но я ведь не знаю, в какое конкретно время она будет возвращаться. Вдруг она в этот день вообще не появится? Мне что, сидеть каждый вечер в своей комнате и подбухивать втихара? Нет, не то. Эх, как бы наверняка узнать заранее, хотя бы за полчаса, что она пройдёт здесь?

Никак. Значит, нужно выпить сразу, как увижу её в окно. Но на это нет времени! Перед тем, как разойтись с подругой, они говорят одну-две минуты, затем она идёт вдоль моего дома, что занимает ещё минуту. То есть, с момента как её увижу и до момента, когда нужно выходить чтобы с ней пересечься, у меня будет от двух до трёх минут, не больше. Из них одна минута уйдёт на одевание и ещё полминуты на выход из дома. Остаётся от тридцати секунд до полутора минут. Маловато.

Что и сколько выпить, чтобы алкоголь успел подействовать? Водку не люблю, да и разить будет за километр. Шампанское? Не умею его тихо открывать, мама может услышать – «А что это ты, сынок, тут празднуешь в темноте?» Пиво? Оно слабенькое. А если... крепкое пиво? Балтику, девятку. В ней 8,5 %. Отлично! Завтра же куплю банку. Конечно, всю выпить не успею, в ней же пол литра. Но половину точно смогу. Думаю, этого хватит. Что ещё? Жвачку. Обязательно! Мятную. Она должна перебить запах пива.

Решено! Завтра или послезавтра познакомлюсь с Таней. Поскорее бы уже...

Глава 6

1999, декабрь

Сегодня Лёха ударил меня в лицо. До сих пор не понимаю, как так вышло. У нас была лабораторная работа по химии, и кажется, он получил тройку. На перемене я подошёл к нему со спины в коридоре, тронул за плечо и спросил: «Ну чё, трояк?» Он быстро обернулся и, не говоря ни слова, двинул мне с правой кулаком в лицо. Удар был не очень сильный и пришёлся по скуле. Повезло, фингал под глазом мне сейчас не нужен.

Химию не люблю и не понимаю. Чёрт ногу сломит в этих формулах, валентностях и прочей ерунде. Поэтому для меня тройка по химии – нормальная оценка. Для Лёхи – нет. Видимо, он так отреагировал потому, что огорчился из-за плохой оценки, а тут ещё я ему об этом так беззаботно напомнил. Вполне возможно. Мне показалось, что после удара он сам удивился тому, что сделал.

Но ещё больше удивился я. Дружим ведь с шестого класса! Да, после того случая на стройке, мы стали реже общаться... но всё же, взять и так вот, за здорово живёшь, ударить... Нужно было как следует врезать ему в ответ! Показать, что нельзя кого-то бить только потому, что у тебя плохое настроение. Но я ничего не сделал. Совсем ничего. Мы молча разошлись. Дело в том, что всё произошло слишком быстро, я

растерялся от неожиданности и поэтому... Да что тут говорить! Наверное, я просто-напросто трус! Ну и всё. И хватит об этом.

Э-э-э нет, не хватит. Если уж начал, то выскажусь до самого конца! Я уже давно подозревал у себя эту дрянную черту. Первый раз заметил её ещё в четвёртом классе. Мне было тогда десять лет. Мы с приятелем, Серёгой, гуляли на окраине посёлка, возле заброшенной фабрики. Вдруг неподалёку появилась компания старших мальчишек. Пять человек, по 13 – 14 лет.

– Пошли отсюда, – коротко бросил Серёга.

Он был крупнее меня и часто дрался, но сейчас ситуация была явно не в нашу пользу. Мы повернулись, чтобы уйти.

– Эй, малые! Сюда идите!

Один из них вышел вперёд и стоял, с вызовом смотря на нас. Высокий, с некрасивым рябым лицом, это был Стёпка-рыжий. Он ко всем цеплялся и никто, кроме его дружков, не хотел с ним связываться. Они двинулись в нашу сторону.

– Не оглядывайся и иди спокойно, – наставлял Серёга, не спеша шагая рядом.

– Давай лучше убежим, – предложил я и, не дожидаясь ответа, кинулся бежать, будучи уверен, что Серёга последует моему примеру. Но он продолжал спокойно идти. Обернувшись метров через десять, я остановился, чтобы его подождать.

Мой рывок не остался незамеченным. Во главе со Стёп-

кой, вся ватага галопом бросилась к нам.

Не знаю почему, но тогда мы легко отделались. Возможно, на них подействовала неторопливая, рассудительная манера Серёги разговаривать. А возможно, даже у Стёпки-рыжего остались какие-то понятия о справедливости, ведь пять семиклассников против двух четырёхклашек – это слишком неравные условия. В общем, нам дали несколько смачных пинков под зад и отпустили.

Потом долго размышлял о том, что было бы, если б я не побежал. Может быть, обошлось бы только разговором, без пинков... Выходит, Серёга выхватил из-за меня. Меня, кто смалодушничал и побежал. Крутил и так и эдак и всегда приходил к этому неприятному для себя выводу.

Ну что поделать, если я не люблю драться?! Не люблю и боюсь. Во-первых, не хочу, чтобы кто-то, кто в сравнении со мной, возможно сущий червяк, бил меня. Во-вторых, мне не нравится сама мысль о том, чтобы самому ударить кого-то в лицо или куда там ещё... В-третьих, очень не люблю, когда меня обхватывают. Понятное дело, никто не любит, но мне это просто физически противно. Помню, в детстве отец отвёл меня на секцию дзюдо. О, как же мне было гадко, когда другие мальчишки, прикасались ко мне и отрабатывали на мне захваты! Сопение, пот, плотная борьба и тисканье друг друга во время спаррингов – всё это всегда вызывало во мне труднопреодолимое отвращение.

Проходил на секцию год и бросил, вопреки возражениям

отца. Жалко, что у нас нет секции карате. Вот туда я бы охотнее пошёл. Там гораздо меньше ненавистного мне тисканья. Но я отвлёкся. В-четвёртых, регулярно наблюдая в школе многочисленные драки и потасовки, давно заметил, что вся эта возня почти всегда возникает из-за сущих пустяков. Почти всегда можно просто поговорить и разрешить спор без применения физической силы. Но нет, им нужно обязательно лупить друг друга. До синяков, до порванной одежды, до крови.

Да, конечно, бывают случаи, когда мужчина, сколько бы ему ни было лет, должен уметь постоять за себя. Согласен. Но всё же, предпочитаю не доводить конфликт до такой концовки.

Короче, стараюсь всеми силами не трусить и не малодушничать, но при этом избегать драк. Это нелегко и не всегда получается, но со временем я неплохо научился разрешать конфликтные ситуации разговором, а не кулаками или позорным бегством.

Конечно, все эти причины выстроены и выпестованы мною так, чтоб они для меня поубедительнее звучали. Иногда верю в них почти полностью и перестаю грызть себя. Но часто, всё-таки промелькивает неприятная мысль о том, что причины эти, в сущности, не более чем вздор и самообман. А главная причина в том, что я трус. И сегодняшняя стычка с Лёхой убедила меня в этом окончательно. Ну и баста! И нечего больше болтать.

Завтра же запишусь в школьный тренажёрный зал. Буду качаться, а то мало того, что ростом невысок, так ещё и худощав, как дрыщ. Нужна масса, мышечная масса! А ещё подвешу дома на турнике грушу и буду её колотить каждый день, отрабатывая удары. Уже придумал из чего сделать грушу. Возьму в кладовке узкий брезентовый мешок из-под палатки и наполню его песком. Затем заверну его в старую ковровую дорожку и запихну в широкий мешок. Наверное, тяжёлая штука получится! Нужно придумать, как её вешать и снимать в одиночку, а то если будет постоянно висеть, помешает проходить в комнаты.

Тренироваться с грушей буду каждый день. В зал три раза в неделю. Ничего, Лёха, ничего... Настанет день, и ты ответишь мне за сегодняшний удар. Обязательно ответишь!

Глава 7

1999, декабрь

С первого шага всё пошло не по плану! В магазине, где рассчитывал купить банку пива, в тот вечер почему-то работала незнакомая продавщица, хотя по графику должна была быть Маринка. У Маринки всегда можно купить пиво. Да что там, она и водку продаст, если знает тебя. А меня она знает. Новая продавщица с унылым выражением лица проямлила, что мне нет восемнадцати, что мне ещё рано и так далее. Ей же невдомёк, что для дела беру, а не для развлечения! Короче, отказала.

Пришлось бежать на другой конец посёлка. Там во «Фрегате» работает Настя, двоюродная сестра Вовки – моего одноклассника. Она всегда продаёт без вопросов и нотаций, конечно, если в магазине нет других покупателей. Если есть – ждёшь, делая вид, что разглядываешь витрины. Только бы сегодня её смена была!

Повезло, за прилавком Настя. Но очередь человек десять! А время уже девятый час. Могу опоздать. Вдруг Таня сегодня пораньше пройдёт? Переносить всё на следующий день не хочу, и так сколько тянул. Скрипя зубами от нетерпения, выстоял почти полчаса в очереди и, наконец-то, купил банку Балтики девятки. Домой почти бегом. На часах 20:55. От скорого шага вспотел. Быстро в душ и гладить штаны!

В 21:05 на привычном посту возле окна. Кажется, успел. Теперь только ждать. Стоп! Забыл подкладки новые поставить! Со временем они спрессовываются и становятся тоньше, поэтому их нужно регулярно менять. Мухой в коридор! Там, в тумбочке лежат старые газеты, хватаю одну из них и снова к окну – пока никого. Складываю из двух газетных листов небольшой квадрат толщиной полтора сантиметра и засовываю его в ботинок под пятку. Сверху стельку – почти незаметно, отлично! Со вторым ботинком проделываю то же самое. Придумал эту штуку ещё в прошлом году, чтобы быть хоть немного повыше. У меня вполне себе средний рост, но из всех пацанов в классе я самый маленький. Ну почему я не в отца пошёл?! Он под метр девяносто, эдакий медведь. Мама на его фоне просто дюймовочка.

Несколько кругов по комнате. Смотрю в окно – её ещё не видно. Продолжаю ходить по комнате, на часах 21:47.

Ещё раз прорепетируем, что я ей скажу. Итак, подхожу, улыбаюсь и говорю: «Привет! Можно тебя проводить?» Она такая: «Привет! Можно». Ага, размечтался! Кстати, когда лучше представиться, сразу или потом? Наверное, лучше сразу: «Привет! Меня зовут Слава, можно тебя проводить?» А почему Слава? Может, лучше Вячеслав? «Привет! Меня зовут Вячеслав, можно тебя проводить?» Вроде солиднее звучит. Ну, ты ещё отчество ей скажи, для солидности: «Привет! Меня зовут Вячеслав Алексеевич, можно тебя проводить?» Нет, нет, лучше просто Слава. Она ответит: «От-

стань, я не знакомлюсь на улице». А я такой: «Я и не предлагаю знакомиться, просто, провожу тебя до дома...» Ну а там, слово за слово и, глядишь, договоримся о свидании.

Пол-одиннадцатого. Улица почти пуста. Тихо падает снег. Редкие прохожие торопливо проходят мимо по освещённому фонарями тротуару. Но где же Таня? Может, пропустил её? Вдруг она сегодня вернулась домой пораньше, а я тут как дурак высматриваю её? Если не появится до одиннадцати, значит, отложу всё до завтра. Ничего страшного, ждать умею.

А вдруг она скажет, что уже с кем-то встречается? Да ну и пусть! Я скажу: «Повезло ему», и заговорю о чём-нибудь другом. Тогда она поймёт, что у меня к ней настоящие чувства... возможно не сразу, но поймёт. Тут нужно терпение. Терпение и спокойствие.

23:10. Нет, сегодня уже точно не появится. Ладно, значит, завтра. Подожду ещё пять минут, и лягу пораньше спать. Утром контрольная по алгебре... Идёт! С подругой, как всегда. Остановились, разговаривают. Где пиво? Быстрее, быстрее! Ах ты, чёрт! Алюминиевый язычок, за который обычно тянешь, чтобы открыть банку отломился! Как теперь её открыть?! Пробую продавить выемку пальцем – не получается! Бросаюсь к письменному столу и, уперев в него банку, пробую продавить выемку обратной стороной шариковой ручки. Не получается! Давлю со всей силы – есть! Часть пива с пеной вылилась на стол – плевать, потом вытру. Несколько

быстрых глотков и одеваться. Да быстрее же, быстрее! Выглядываю в окно. Пока возился с банкой, они договорили. Вот Таня помахала подруге рукой и уже идёт в мою сторону! У меня на всё не больше минуты! Продолжаю спешно одеваться, каждые несколько секунд прихлёбывая из банки. Никогда так быстро не пил пиво. Думал, стошнит. Ещё эта отрыжка из-за пены... Всё, хватит, в банке осталось совсем немного. Скорее, скорее же... В подъезде на бегу застёгиваю куртку и закидываю в рот пару жвачек. Во дворе морозно и темно, освещение у нас только со стороны улицы. Снег ещё идёт.

Торопливо обхожу дом, расчёт был верный – Таня как раз прошла мимо. Поворачиваю на тротуар. Чёрная короткая шубка, песцовая шапка, расклешённые чёрные штаны – как они ей идут! Моя девочка... Догоняю. Сплёвываю в ладонь жвачку и выбрасываю в сторону. Поравнялись. Вот он, самый сложный момент – повернуть голову и из обычного прохожего сразу стать... кем? Кем я стану для неё сейчас?

– Привет.

Бодрого начала не получилось, голос как будто провалился и прозвучал очень глухо. Таня метнула на меня настороженный быстрый взгляд и... ничего не ответила, лишь ускорила шаги. Я репетировал десятки вариантов нашего разговора и был готов к чему угодно, кроме... молчания. Натягиваю на лицо запоздалую, неестественную улыбку:

– Меня зовут Слава, а тебя?

Ну не мог же я ей сказать: «Я знаю, как тебя зовут. Знаю, в каком классе ты учишься и с кем гуляешь. Знаю, где ты живёшь и вообще, давно за тобой слежу...»

Опять молчит. Чёрт подери, да за кого она меня принимает?! А вдруг от меня пивом несёт? Вроде не должно, две мятных жвачки зажевал.

– Можно проводить тебя до дома?

– Нельзя. – Её первое слово, обращённое ко мне.

– Почему?

Опять тишина. Продолжаю тащиться рядом. Молчим. Не знаю, что сказать. Все мои домашние заготовки оказались бесполезными. Пиво не помогло уверенно и весело завязать знакомство. Чувствую себя идиотом, который пытается разговаривать со стеной.

Делаю ещё одну отчаянную попытку разговорить её, слышу, как нелепо это звучит и окончательно стушевавшись, спрашиваю:

– Почему ты мне не отвечаешь?

– Мальчик, иди, погуляй куда-нибудь...

До её дома осталось метров сто. Остановливаясь, смотрю вслед. Надо же, ни разу не оглянулась – вот характер! Ну, ничего, у меня тоже характер...

Да, пожалуй, это была самая странная прогулка в моей жизни. Но я её всё-таки проводил! И теперь она, по крайней мере, знает о моём существовании.

Глава 8

1999, декабрь

– Не переживай, подкачаем тебя, – сказал улыбаясь Саныч, похлопав меня по плечу.

Саныч – это наш физрук. Крепкого сложения мужчина, лет пятидесяти, всегда коротко подстриженный и всегда излучающий ничем не прошибаемый оптимизм. Вообще-то его зовут Александр Александрович, но все ученики давно уже привыкли между собой называть его Санычем. Кажется, ему это даже нравится.

Он не только ведёт уроки физры, но и заведует школьным тренажёрным залом. Благодаря своей настойчивости, он лет десять назад сумел убедить директора отдать малый актовъй зал на втором этаже под тренажёрку. Затем приложил немало усилий, чтобы его оборудовать и теперь считался здесь полновластным хозяином и главным тренером.

Каждый день, кроме воскресенья, в зал ходят не только школьники из старших классов, но и взрослые мужики с нашего посёлка. Благодаря стараниям Саныча, зал стал не просто помещением, где можно потягать железо, а местом, с особой атмосферой. Атмосферой спокойствия, целеустремлённости и дружелюбия.

Саныч всегда радовался новым лицам и часто повторял, что «регулярные упражнения делают тело выносливым, а ра-

зум дисциплинированным». Он уже давно приглашал меня заниматься в зале, но я всякий раз отнекивался потому как «не хочу быть тупым качком». На это он обычно усмехался и говорил: «Запомни, Слава, тупым человека делают не занятия на тренажёрах, а отсутствие баланса между физическим и умственным развитием».

Когда я пришёл и сказал о своём решении начать тренировки, он в первую очередь спросил, что именно меня интересует – масса или рельеф? Получив ответ «и то и другое», Саныч объяснил, что не стоит одновременно гнаться и за массой и за рельефом. А лучше разделить весь тренировочный процесс на циклы, в которых работа идёт либо на массу, либо на рельеф. Поколебавшись несколько секунд, я выбрал массу, после чего Саныч рассказал об особенностях питания и помог мне составить график тренировок.

Домой возвращался в приподнятом настроении. Всё идёт по плану! Заниматься в тренажёрке начал, грушу сделал и даже наловчился в одиночку подвешивать её на турник.

Как и предполагал, груша получилась тяжёлая, по ощущениям, больше тридцати килограмм. К верхней части привязал длинный кожаный ремень. Подвесить её – целое искусство! Сначала подволакиваю её под турник. Затем перекидываю через него свободный конец ремня и, отклоняясь назад, небольшими рывками тяну ремень на себя. Когда груша поднимается на нужную высоту, поддвигаю под неё ногой заранее поставленную рядом табуретку. Потом, поддер-

живая грушу рукой, встаю на вторую табуретку и надёжно фиксирую ремень, многократно обматывая его вокруг турника. После чего вытаскиваю из-под груши табуретку, и вот она уже покачивается в полной готовности принимать удары. Осталось раздобыть где-то эластичный бинт для рук, чтобы защитить кисти от растяжений и травм.

У мамы есть подруга – тётя Лена. Они вместе работают в библиотеке. Придя к нам в гости, и увидев на турнике грушу, она на следующий день подарила мне боксёрские перчатки своего старшего сына Дениса. Он давно переехал в город, а когда был здесь, ходил на секцию бокса, которая позднее, по какой-то причине, закрылась.

Перчатки испытаю, но думаю, всё-таки лучше тренироваться только в бинтах. На улице ведь никто не будет ждать, пока наденешь и зашнуруешь боксёрские перчатки...

Вспомнились слова Саныча «не переживай, подкачаем тебя». Уже не впервой замечаю, что совершенно разные люди в совершенно разных ситуациях, часто говорят мне «не переживай». Да что же это такое? У меня что, голос как у амёбы какой-то, или вид как у овцы? Ну почему чуть ли не каждый встречный хочет меня утешить этой идиотской фразой? Неужели я, в самом деле, выгляжу так, словно постоянно переживаю? У меня это что, на лбу написано? Определённо, нужно что-то с этим делать. Может записать свой голос на магнитофон и послушать со стороны? Да и перед зеркалом можно изобразить, будто с кем-то разговариваю, и поглядеть

на себя. Если при этом вести себя естественно, тогда, наверное, можно что-то обнаружить. Должна же быть причина у всех этих дурацких «не переживай»!

Глава 9

2000, январь

После уроков собрался домой и, проходя через холл, увидел Таню. Она стояла возле окна с подружками. Заметив меня, быстро им что-то сказала и все они на меня уставились. Смотрели, улыбались, о чем-то перешёптывались. Таня тоже улыбалась. Двадцать метров до уличной двери показались бесконечными. Она смеялась надо мной! Это очевидно. Наверное, считает придурком. Да ну и пусть! Смейся, Танечка, смейся. Всё равно будешь моей!

До Тани влюблялся несколько раз. Но, думаю, это было... несерьёзно. Правда, тогда мне казалось, что серьёзно. Взять хотя бы моё последнее увлечение. Оно длилось целых пять лет!

В начале учебного года, на первых уроках, школьники, зайдя в классы, выбирают себе места. Как правило, они потом сидят в таком порядке весь учебный год. В пятом классе рядом со мной села красивая светловолосая девочка с большими карими глазами:

– Привет, меня зовут Алина.

– Привет, а меня Слава.

С тех пор мы на всех уроках сидели за одной партой. Если одноклассники или учителя пытались это оспорить, Алина твёрдо говорила: «Я сижу со Славой». Этого хватало и нас

оставляли в покое.

В седьмом классе предложил ей встречаться. Отказалась. В восьмом, дрожа от волнения, прямо на уроке медленно придвинулся к ней поближе, медленно завёл свою руку ей за спину и тихонько приобнял. В ответ получил испепеляющий взгляд. Пришлось также медленно убраться обратно, на свою половину парты. На следующий день она, как ни в чём не бывало, села рядом и всё стало как прежде.

Сколько ни пытался, наши отношения дальше сидения за этой чёртовой партой не заходили, и я потерял надежду сблизиться с Алиной. Так всё и продолжалось, всегда близко, но никогда не вместе.

В девятом классе мы с одноклассниками начали почти каждую неделю ходить по вечерам к Вовке. Его родители работали посуточно на фабрике. Когда они были на сутках, он приглашал друзей, и мы засиживались у него до ночи. Собиралась большая, весёлая компания. Пели песни под гитару, общались, выпивали.

В один из таких вечеров, это была суббота, народу пришло больше обычного, человек двадцать. Мы с несколькими пацанами и девчонками пили пиво на кухне. Места всем не хватило, некоторые стояли. Зашла Алина. Долила себе в бокал пива и вдруг села ко мне на колени. Она сделала это настолько просто и естественно, что никто не придал этому никакого значения. Никто, кроме меня. Я ликовал!

В десять часов началась дискотека в клубе и Алина с дву-

мя подружками собралась туда пойти. Подруги уже стояли в подъезде, курили с пацанами, а она немного замешкалась в прихожей. Огорчённый тем, что она уходит, вышел проводить. Мне захотелось что-нибудь сказать. Что-нибудь важное. Но в голову ничего не приходило. Не рассчитывая на успех, я просто брякнул: «Ну что, Алин, поцелуемся на прощание?» Уже приготовился услышать её обычную едкую шуточку в ответ, но Алина вдруг подошла, обвила мою шею руками и прильнула губами к моим губам.

Целовались по-взрослому. Долго, страстно, взасос. Я потерял ощущение времени, но кажется, прошло несколько минут, показавшихся мне вечным блаженством. Открылась входная дверь и те, кто курил в подъезде, начали заходить в квартиру. А мы всё стояли, обнявшись и целовались. Она не отпрянула от меня, когда они входили. Ей было всё равно – кто нас видит, и кто что об этом думает. Мне тоже было всё равно.

Когда мы друг от друга оторвались, она подошла к зеркалу, деловито подкрасила губки и, не сказав ни слова, ушла. Мгновенно протрезвев от спиртного и тут же опьянев от счастья, я вернулся на кухню. Это был мой первый поцелуй.

Домой не шёл, а летел, словно на крыльях. Весь следующий день купался в сладких мечтах и надеждах. «Наконец-то! Теперь мы будем вместе, будем встречаться!» Представлял, как мы увидимся в понедельник в школе, и как поглядим друг на друга. О, теперь-то она будет смотреть на ме-

ня иначе, теперь всё изменится... Наверное, нужно что-нибудь ей подарить. Но не сразу, чтобы ничего такого не подумала... Сначала приглашу её погулять. У нас будет первое свидание!

В понедельник утром пошёл в школу. Пожалуй, первый раз с улыбкой на лице. Алина немного опоздала и когда зашла в класс... А, к чёрту! Нечего тут размазывать. Она вела себя так, словно в субботу между нами ничего не произошло. Её безразличный вид как бы говорил: «Даже не заикайся об этом...» И я не заикался.

Затем мы окончили девятый класс. Прошло дождливое лето. Деревья начали желтеть. Все вернулись в школу.

Зайдя в пустой класс, пахнувший чистотой и свежей краской, ученики, как обычно, начали выбирать места. «Я сажу со Славой!» – весело сказала Алина. И опять всё стало как прежде – близко, но не вместе. А потом я встретил Таню...

Глава 10

2000, январь

Завтра пойду бить Лёху. Хотел это сделать попозже, ведь с начала моих тренировок прошёл всего месяц, но приходится спешить. Он сам виноват.

У нашей школы есть небольшая пристройка. В ней находится ещё один спортзал, помещение со столом для настольного тенниса и комната для бильярда. Там можно играть и тренироваться каждый день кроме выходных. Сегодня вечером я, Лёха, Вовка и Олег пошли туда сыграть в бильярд.

Время провели классно! Общались, шутили, играли пара на пару и один на один. Лёха с Вовкой доигрывали партию, после которой мы решили пойти ещё погулять. И тут у нас с Лёхой возник спор. Я видел, что он сделал двойное касание шара кием, нарушив тем самым правила. Он заявлял, что мне это показалось – врал, конечно. Никто из нас не хотел уступать. Вовка и Олег ничего не заметили, поэтому не могли встать ни на чью сторону. Распсиховавшись, Лёха выпалил:

– Я тебе щас по роже дам!

– Давай, – ответил я с вызовом в голосе. Не люблю угрозы, к тому же показалось, что он блефует.

Лёха кинулся на меня и сделал два быстрых боковых удара кулаком мне по щеке. Я попытался отмахнуться, но смазал,

поэтому его удары остались без ответа. Тут подбежали Вовка с Олегом, и потасовка закончилась едва начавшись. Настроения идти куда-то вместе гулять, уже не было. Все разошлись кто куда.

Вернувшись домой, я закрылся в своей комнате и принялся ходить кругами – это помогает мне думать.

Какой же Лёха всё-таки засранец! Уже второй раз бьёт меня, когда ему вздумается и второй раз не получает в ответ ни одного удара по своей тупой морде! Нормально устроился... А я-то, тоже хорош! Выхватываю по лицу и не даю сдачи. Трус! Слабак! Тряпка!

Это всё потому, что он каждый раз застаёт меня врасплох. Ну не умею я заводиться с пол оборота! А он умеет. Может у него в семье какие-то проблемы? Может, поэтому он в последнее время такой дёрганый стал? Не знаю. Да и какая разница? Если у человека проблемы это не даёт ему права кого-то лупить. Мальчика для битья нашёл?! Ну, погоди у меня...

Если ничего не предпринять, он и дальше будет меня просто так дубасить. Что же делать, что делать?

Почему тренировки с грушей не помогли? Да потому, что занимаюсь всего месяц! Для развития автоматического навыка нанесения точных и сильных ударов нужно больше времени, хотя бы полгода ещё... Ну да, буду не спеша ещё целых полгода тренироваться, а Лёха будет меня использовать в качестве своей личной груши. Ну что же делать, что делать?

А если... к нему применить его излюбленный приёмчик? Застать врасплох и дать по морде? Так, так... Да, думаю, это отличная мысль! Завтра суббота, в школу идти не нужно. Приду к нему домой в десять утра, постучусь, он откроет дверь... откроет именно он, его родители по субботам работают. Я скажу: «Выходи, поговорить нужно». Или просто: «Выйди на минутку...» Нет, нет, всё-таки лучше: «Выходи, поговорить нужно». Он выйдет, и я без лишней болтовни три раза врежу ему как следует по роже! Надеюсь, до его тупой башки дойдёт, что три удара – это расплата за его удары. За два сегодняшних и за тот, после урока химии.

Решено! Вот только... маловато я всё же тренировался. Вдруг смажу, как сегодня? Он тогда мне опять навешает, и потащусь восвояси ни с чем. Нет-нет, мне нужно, чтобы на-верняка. Пожалуй, куплю банку пива. От одной банки не окосею, зато буду чувствовать себя увереннее. Ладно, только в магазин нужно сейчас сходить, не утром же бежать. Время полдесятого, магазин до десяти работает, ещё успею.

Глянул в зеркало – щека покраснела. Надеюсь, синяка не будет. Хорошо, что Лёха бьёт в скулу и щёку, а не в глаз или в нос.

Глава 11

2000, январь

Деньги на пиво взял вечером у отца. Правда, он об этом ничего не знает – опять напился и беспробудно спал. Вытащил их у него из куртки. Всего сто рублей, он и не заметит. А что ещё оставалось делать? Магазин вот-вот закроется, в моих карманах болтается жалкая мелочь, мама в гостях у тёти Лены. Вот и взял.

Я и раньше у него деньги вытаскивал. Но только когда он хорошо надирался. Он никогда не замечал. А может, замечал, но не говорил. Да и что бы он сказал: «У меня пропала пара сотен рублей, вы что-нибудь об этом знаете?» Мама сказала бы: «Хватит пить!» Мы со Светкой сказали бы: «Хватит пить!» Всё, разговор окончен. Это он когда пьяный, любит кочевряжиться и докапываться до нас, а когда трезвый, ведёт себя нормально и ни к кому не лезет.

Чем сильнее он напивается, тем хуже у него потом с памятью и тем больше денег можно взять из его куртки или кошелька. Однажды пятьсот рублей вытащил, когда он был в отключке. Но, в основном, брал по сто-двести рублей. Ничего, не обеднеет. Всё равно он бы их пропил или потерял. И всё-таки пьяницы – конченные люди. Ну как они не могут понять, что пить нужно в меру?

Я вот, после того случая на стройке, сделал важные выво-

ды. Теперь, когда иду к Вовке на посиделки всегда беру бумажку, на которой пишу одно короткое слово «Мера». Время от времени вытаскиваю её из кармана, чтобы посмотреть. Если кто-то её увидит, то ничего не поймёт. Зато я, глядя на неё, представляю, как тогда валялся в грязи на стройке. Это помогает сохранять самоконтроль и не перебарщивать со спиртным. Вот бы и отец делал так же.

Утром, в 9:30 закрыл дверь в свою комнату и достал купленную накануне банку пива. Опять взял девятку. Вкус так себе, зато крепкое. А мне как раз это и нужно – выпиваешь немного, а эффект чувствуешь почти сразу. Естественно, поставить пиво в холодильник не мог – мама бы сразу увидела. Так и стояла моя баночка всю ночь, спрятанная в шкафу. В тепле. А тёплое пиво вдвойне отвратительно на вкус. Но что делать, если для дела нужно?

В общем, давился-давился, кое-как осилил. Хорошо, что догадался позавтракать предварительно, а то бы точно стошнило.

Ровно в десять вышел в подъезд и начал подниматься по лестнице. Мы с Лёхой живём в одном подъезде, я на первом, он на четвёртом этаже. Поднимался медленно, чтобы дыхание не сбить. Но сердце всё равно сильно стучало от волнения – никак не мог отделаться от мысли, что Лёха мой друг. Сколько раз я наступал на эти ступеньки, когда ходил к нему в гости... Сколько раз он на них наступал, когда приходил ко мне в гости... Мы были близкими друзьями несколько лет.

И вот теперь иду по этим же самым ступенькам, чтобы... Да уж, наверное, бить незнакомого человека проще.

Вот и четвёртый этаж. Остановившись, быстро прокрутил в памяти наши с ним недавние стычки, чтобы как следует разозлиться.

Да кем он вообще себя возомнил? Рембо недоделанный! Ведёт себя последнее время как истеричка – чуть что, сразу в драку лезет. Он всегда был вспыльчивым, но раньше на меня не бросался. А тут смотри-ка! Ну, подожди, сейчас ты у меня получишь! Моё преимущество в том, что он меня не ждёт. Здраваться не буду. Никаких ему «Привет!», перебьётся. Как только дверь откроет, сразу скажу: «Выходи, поговорить нужно». Он выйдет, и тут я быстро вмажу ему три раза кулаком по морде! Главное не мешкать и не вступать в разговоры. Иначе, остыну и всему плану конец.

А если он оттолкнёт меня, и я кубарем скачусь вниз по бетонной лестнице, переломав себе кости?.. Нужно быть осторожнее и в случае чего зацепиться за перила... А вдруг он ударит меня в живот, и я заблую весь подъезд борщом, перемешанным с пивом? Надо было поменьше порцию накладывать. Ладно, будь что будет.

Постучал в дверь. Биение сердца громко отдавалось в ушах. Послышался звук открываемого замка. Кровь прилила к лицу. Дыхание участилось. Как и рассчитывал, дверь открыл Лёха. Он стоял в своём чёрном спортивном костюме. Во взгляде читалось непонимание и удивление. Явно не

ждал – прекрасно.

– Выходи, поговорить нужно.

Когда мысленно репетировал эту фразу, она звучала уверенно и внушительно. Сейчас же, голос подвел, и получилась глухая, невыразительная размазня. Впрочем, это было уже не важно. Волнение усиливалось, вот-вот, ещё секунда...

Всё ещё ничего не понимая, Лёха сделал шаг через порог и, прикрыв за собою дверь, удивлённо на меня посмотрел. Вот он – момент. Медлить нельзя!

Быстро сжав кулак, я ударил его в лицо! Прямой, правый получился немного смазанным и не таким сильным, как я планировал, но всё-таки это был удар! Смог! И плевать, что друг. Ему же тоже было плевать. Осталось ещё два...

Но сделать их не удалось. Лёха тут же схватил меня обеими руками за грудки и с силой прижал к стене:

– Ты чё, опять наклюкался?!

Эти слова мгновенно охладили весь мой боевой запал. Как он узнал, что я выпил? Неужели от меня несёт пивом? Ах ты, чёрт – забыл мятную жвачку зажевать!

Несколько секунд мы так и стояли, сверля друг друга глазами. У меня в голове крутилась только одна мысль – он знает, что я выпил, знает! Если бы всё произошло вечером, в этом не было бы ничего необычного. Но утром! Утро говорит само за себя. Значит, выпил специально, для храбрости. Значит, не хватает ни смелости, ни силёнок. Стало быть, трус!

- Убери руки, – злобно прошипел я.
- Ты успокоился? – Лёха не отпускал.
- Убери руки!
- Ты успокоился?!
- Успокоился, – отчеканил я с ненавистью.

Он отпустил хватку. Мы молча друг на друга смотрели. Затем я повернулся и пошёл вниз по лестнице. За спиной послышался звук закрывающейся двери.

А если он расскажет всем в школе, что я приходил к нему утром пьяный, чтобы избить его? Он любит приукрашивать и врать, поэтому именно так и скажет: «Пришёл, дескать, пьяный в хлам Славик ко мне чуть свет и давай кулачёнками размахивать...» Да надо мной вся школа ржать будет!

Вот ублюдок!!! Пусть только попробует... Пошёл он! Пошёл он к чёрту!!!

Глава 12

2000, апрель

Мы решили сорвать День лыжника. Глупо, конечно. А дело было так. В пятницу, как обычно, сидели у Вовки, пили пиво. Всего девять человек: я, Вовка, Лёха, Олег, Сашка, Колян и трое парней с параллельного класса. Девчонки уже ушли в клуб на дискотеку.

Кто-то заметил, что сейчас-то нам хорошо, а вот как тяжело будет завтра утром, когда Саныч погонит нас по лыжне... Все сразу приуныли. И тут Олег то ли в шутку, то ли всерьёз, сказал:

– Если испортим лыжню, новую проложить не успеют, соревнования отменят, и никто нас никуда не погонит.

Каждый год, весной, в лесу рядом с нашим посёлком, для проведения соревнований, посвящённых Дню лыжника, прокладывают три лыжни. Первая протяжённостью один километр, вторая – два, и третья – три километра. Вторая и третья в местах старта и финиша соединяются, образуя кольцевую дистанцию, длиною пять километров. Именно по ней нам предстояло завтра бежать. Все три лыжни прокладывают за два дня до соревнований.

– Ну и как ты предлагаешь это сделать? – спросил Вовка. – Время одиннадцать вечера, а соревнования завтра утром. Да нам только до места чапать минут сорок. А там-то как? Три

накатанные лыжни, это шесть километров. Как ты их испортишь?

– Во-первых, не три, а две. Километровая нас не интересует, пусть малышня катается. Остаются две, общей длиной пять километров. Во-вторых, лыжни накатанные, но так как погода сейчас тёплая, снег не схватился и они не очень твёрдые. Достаточно прогуляться по ним пешком, немного попрыгать, и получится столько дыр, что никто по такой лыжне катиться не сможет. А в-третьих, нам не обязательно портить все пять километров. Обработаем половину трёхкилометровой и половину двухкилометровой, этого хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.